

ЛОЯЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА КАК КРИТЕРИЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ПОЛЬСКИМИ ВЛАСТЯМИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Н. В. Самосюк,

кандидат культурологии, доцент кафедры истории славянских народов учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», г. Брест

Аннотация. В статье рассматриваются показатели и проявления лояльности православного духовенства как главного критерия, выдвигаемого польскими властями на протяжении межвоенного периода. Автор делает вывод, что проявление лояльности со стороны православных священников административные власти стремились стандартизировать и документировать. Лояльность отдельного священника фиксировалась польскими властями в получении им польского гражданства, подписании ноты присяги польскому государству и стандартизированного документа о признании автокефалии, а также в кратких характеристиках поветовых старост. Однако в действительности административные власти не доверяли православному духовенству, о чем свидетельствуют конфиденциальные характеристики на православных священников.

Ключевые слова: православная церковь, лояльность, православное духовенство, польские власти, межвоенный период, автокефалия, нота присяги.

LOYALTY OF THE ORTHODOX CLERGY AS A CRITERION OF RELATIONS WITH THE POLISH AUTHORITIES IN THE INTERWAR PERIOD

N. Samosiuk,

PhD in Culturology, Associate Professor of the Department of History of Slavic Nations of the Educational Institution «Brest State University named after A. S. Pushkin», Brest

Abstract. The article examines the indicators and manifestations of the loyalty of the Orthodox clergy as the main criterion put forward by the Polish authorities during the interwar period. The author concludes that the administrative authorities sought to standardize and document the manifestation of loyalty on the part of Orthodox priests. The loyalty of an individual priest by the Polish authorities was recorded in obtaining Polish citizenship, signing a note of oath to the Polish state and a standardized document on the recognition of autocephaly, as well as in brief characteristics of the village elders. However, in reality, the administrative authorities did not trust the Orthodox clergy, as evidenced by confidential characteristics.

Keywords: Orthodox Church, loyalty, Orthodox clergy, Polish authorities, interwar period, autocephaly, oath note.

Православная церковь Западной Беларуси на протяжении межвоенного периода претерпела значительные трансформации. Осуществление этих изменений происходило во многом под влиянием политики польских властей, поставивших перед собой цель изменить национально-культурный характер православной церкви. Административные власти на местах, в гминах, поветах, воеводствах непосредственно контактировали с православным духовенством. Главным критерием отношения властей к священнослужителям являлась их лояльность по отношению к польской государственности.

Польские власти в православной церкви видели исключительно враждебный религиозный центр и социокультурный институт, оказывающий неблагоприятное влияние на население. Под особым вниманием находилось православное духовенство. Всем священникам, которые в период Российской империи каким-либо образом притесняли поляков либо участвовали в деятельности так называемых «черносотенцев», представителей крайне правых организаций, не разрешалось служить в приходах. Необходимо отметить, что назначение церковными властями каждого священника на должность в определенный приход в обязательном порядке должно было утверждаться административными властями [4, л. 2]. В подобной ситуации именно воевода, а не епископ, окончательно утверждал священника на должность. Так, 3 июля 1934 г. Полесское воеводское управление выдало Петру Балабушевичу свидетельство о том, что он, рожденный в 1885 г., в Малече Дрогичинского повета, является настоятелем штатного прихода в Малече Пружанского повета [4, л. 7].

Особенно сложно было получить разрешение на службу священникам, которые бежали из Советской России. Для беженцев были

организованы специальные лагеря, пределы которых нельзя было покидать без разрешения. Среди беженцев было много священнослужителей. В октябре 1922 г. Волынское воеводское управление разыскивало интернированного в лагерь Калишской группы Питирима Баклановича в женой Ольгой. Беженцы пропали из поля зрения властей и на протяжении месяца не отмечались в старостве. За это время священник Питирим стал церковным старостой в деревне Городечно Пружанского повета [3, л. 60].

Священникам-беженцам, рожденным в пределах польского государства, необходимо было получить польское гражданство. Для его получения православные священники должны были проявлять лояльность по отношению к польской государственности. Соответственно, в проповедях и повседневном общении с прихожанами православное духовенство должно было всячески поддерживать польскую государственность. Критика в адрес польских властей, сотрудничество с русской общественностью, белорусским или украинским национально-церковными движениями способствовало немедленному попаданию в разряд неблагонадежных. Необходимую характеристику для получения гражданства священником писал поветовый староста. Например, в характеристике на Василия Белоголовина староста писал, что священник во враждебной польской государственности деятельности участия не принимал, в этой связи последний может получить польское гражданство [8, л. 4].

Подтверждение лояльности со стороны православного духовенства польскими властями, кроме непосредственно получения гражданства, было стандартизировано и, соответственно, оформлялось в виде двух документов. Первый документ являлся нотой присяги, которую каждый священник должен был подписать в старостве. В этом документе был отражен идеал православного священника в видении польских властей. Подписывая ноту присяги Симеон Андруцкий, тем самым, как и каждый священник Православной церкви, обещая быть верным гражданином польского государства, подчиняться законам, а также прилагать усилия к тому, чтобы прихожане уважали власти и соблюдали законы. Кроме того, в этом документе было зафиксировано, что священник обязан воспитывать своих прихожан добрыми христианами и гражданами Польши [1, л. 8].

В 1925 г. православная церковь в Польше получила автокефальный статус. Административные власти начали проводить среди православного духовенства кампанию по сбору подписей о признании автокефалии. Признание автокефального устройства православной церкви в Польше стало новым показателем лояльности. Необходимо

отметить, что священники должны были подписаться в документе, в соответствии с которым они лично признавали автокефалию, информировали об этом событии своих прихожан, а также обязались способствовать утверждению и развитию самостоятельности православной церкви в Польше. Процедура подтверждения лояльности проходила в старосте и была стандартизирована [2, л. 23].

Поветовые старосты на каждого священнослужителя составляли краткие характеристики со следующими критериями: душпастьерская деятельность, отношение к прихожанам, морально-нравственные качества, образованность, отношение к государственным властям, общественная деятельность, политические взгляды. В целом в характеристиках польских властей на православных священнослужителей можно отметить следующую тенденцию. Если священник соглашался подписать ноту присяги, а также признавал автокефалию, то по документам он проходил как священник, лояльно настроенный по отношению к польским властям. Однако в конфиденциальных документах, как правило, отмечалось, что тот или иной священник враждебно настроен к польской государственности. Показательно, что польские власти всеми способами добивались проявления лояльности со стороны православного духовенства, стремились стандартизировать ее проявления и строго фиксировать их в виде документов, однако сами в большинстве случаев священникам не доверяли. В большинстве документов кобринский настоятель Симеон Бегаллович фигурировал как лояльный по отношению к польской государственности православный священник. В конфиденциальном послании воеводе староста характеризовал отца Симеона как человека, который под тяжестью лет и семейного недопонимания, в том числе обусловленного тяжелым характером, не смог найти поддержку среди прихожан. Наибольшего внимания заслуживает вывод кобринского старосты о Симеоне Бегалловиче: «менее вреден, чем другие священнослужители» [5, л. 13].

Деятельность православных священников, выходцев из центральных польских территорий складывалась на порядок успешней, так как административные власти относились к ним с меньшим подозрением. Немаловажным фактором являлось то, что такие священники, как правило, в совершенстве владели польским языком. Так, если проанализировать личное дело Иоанна Бекиша, родившегося в 1892 г. в местечке Междуречье земли около Седлеца, то можно сделать вывод, что он не встречал противодействия со стороны административных властей [6, л. 1]. Священник Иоанн Бекиш, получивший образование в Холмской духовной семинарии и рукопо-

ложенный в иерейский сан в 1916 г., служил во многих приходах Волынской и Полесской епархий, вскоре стал благочинным и вошел в состав Полесской духовной консистории [6, л. 20, 32].

Признание действительной лояльности того или иного священника польскими властями являлось исключением из правил. В таком случае доверие административных властей опиралось на исключительные заслуги перед польским государством. В процессе исследования нам удалось ознакомиться с материалами дела священника Александра Белецкого, который добровольцем участвовал в советско-польской войне [7, л. 27].

Таким образом, лояльность являлась главным критерием польских властей на протяжении всего периода. Благодаря выдвигению этого критерия административные власти получили рычаг воздействия на православное духовенство. В первую очередь польские власти на основании критерия лояльности не разрешили значительной части духовенства исполнять священнические обязанности. Сами показатели лояльности православного духовенства со стороны польских властей изменялись в зависимости от ситуации.

1. ГАБрО. Фонд 1. Описание 1. Дело 15. – Личная карточка по учету духовенства. Семен Андруцкий.

2. ГАБрО. Фонд 1. Описание 1. Дело 17. – Личное дело священника Православной церкви Антиповича Яна.

3. ГАБрО. Фонд 1. Описание 1. Дело 39. – Личное дело священника Православной церкви Баклановича Питирима.

4. ГАБрО. Фонд 1. Описание 11. Дело 40. – Личное дело священника Малеч Пружанского повета Балабушевича Петра.

5. ГАБрО. Фонд 1. Описание 11. Дело 78. – Личное дело кобринского священника Бегалловича Симеона (Шимона).

6. ГАБрО. Фонд 1. Описание 11. Дело 82. – Личное дело священника Православной церкви деревни Бельска Воля Сарненского повета Бекши Яна.

7. ГАБрО. Фонд 1. Описание 11. Дело 85. – Личное дело священника в Голудзи Белецкого Александра.

8. ГАБрО. Фонд 1. Описание 11. Дело 89. – Личное дело священника Православной церкви Белоголовина Василия.